

Строительство гражданского общества надо начинать с себя

Алексей СИМОНОВ, президент Фонда защиты гласности

Есть такая хорошая русская поговорка: "Нечего на зеркало пенять, коли рожа кривая". Но бывает и так, что субъект видит свое не очень ровное лицо, но полагает, что это не его личная проблема и не проблема зеркал, а вопрос несовершенства мира в целом. "Это не у меня прыщик на носу, – думает такой субъект, – это человечество пошло пятнами". С этого, собственно говоря, и начались все беды российской журналистики. Ее назначили ответственной за преобразование жизни в этой стране, а она к этой ответственности была совершенно не готова, потому что она как была приводным ремнем, так им и осталась. Соответственно, ей внутренне перестроиться было крайне трудно, а времени на перестройку не дали. Просто сказали: "Ну, ребята, а теперь вперед". И она пошла, как обычно, впереди паровоза, только совершенно в другую сторону.

Следы этого хождения в другую сторону мы и видим в том всеобщем катастрофизме, который ощущается во всем, что делает российская пресса. Сначала все знали, как преобразовать общество, как его перевоспитать, теперь никто не знает, что в этом обществе происходит и что с ним надо делать. Было ощущение почти победы, а теперь ощущение полной катастрофы. И то, и другое ощущения являются следствием категорического нежелания взглянуть в самих себя и начинать реформирование общества с собственной комнаты, рабочего стола, собственной души, собственных мозгов. А между прочим, вся проблема гражданина упирается не в возможность сочинить, а потом выстроить некие воздушные замки под названием гражданское общество, а с абсолютно четкой собственной позиции: "Не хочу, не буду" или: "Хочу и буду". И все.

Начинать строить гражданское общество надо непосредственно сегодня, и начинать надо, безусловно, с себя. Пока каждый по отдельности не начнет выдавливать из себя того самого раба, о котором писал Антон Павлович Чехов, болтовня в этой стране будет продолжаться. Должен сказать, что выдавливание из себя раба процесс долгий и очень непростой. Попросту говоря, надо кончать бороться со всеобщей грязью, а начать приводить в порядок собственную комнату. Это во–первых.

Во–вторых, пора разобраться с понятиями. Я давно мечтаю выяснить, что такое "общественное мнение". Мы оперирует этим словосочетанием, по его пониманию у меня, например, нет. И, думаю, не только у меня. То же самое можно сказать по поводу штампа "журналистика – четвертая власть". Пафос борьбы за четвертую власть, или против четвертой власти у меня вызывает иронию, потому что на самом деле пресса никогда не была и не будет четвертой властью. Обман это, неправда это, и нигде она не четвертая власть. А вот там, где вообще об этом можно говорить, существует некая сумма человеческих способов самоорганизации, которые создают некую структурную решетку, обладающую очень сильной способностью к резонированию. Например, только идиот может сказать что Уотергейт – это победа американской прессы. Нет, это победа гражданского общества в Америке, инициированная прессой и выраженная прессой. Но ничего не было бы, если бы между инициированием и выражением не было бы вот этого отрезонировавшего, причем очень сильно отрезонировавшего, гражданского общества, общественного мнения.

Откройте наши газеты. То, что в них публикуется, по взрывоопасности давным–давно превосходит все Уотергейты. Только вот резонанс где? Где хоть что–то зарезонировало так, чтобы трон под властью закачался?

Почему наши депутаты и прочие начальники ничего не боятся? Потому что нет механизма общественного давления. А этот механизм начинается с того, что отдельный человек говорит: "Да или нет".

В-третьих, гражданское общество предполагает, что человек может и имеет право развиваться, меняться, отказываться от себя вчерашнего. Вот, например, знаете ли вы, что, скажем, среди наших соотечественников, выехавших в Соединенные Штаты и еще не получивших ни грин-карты, ни американского гражданства, большинство сочувствуют демократам. Зато среди тех, кто хоть сколько-нибудь всерьез обосновался в Соединенных Штатах и уже имеет гражданство и так далее, подавляющее большинство за республиканцев, которые куда более радикальны в социальных вопросах. Так что наши бывшие сограждане эволюционируют от демократии к республике по мере инкорпорированности в американскую жизнь. И у меня никаких претензий ни к тем, ни к другим нет.

У нас почему-то считается, что журналист раз и навсегда должен занять некую позицию. Почему? Что это значит? Для меня, например, чрезвычайно важным было появление Сергея Доренко в программе Евгения Киселева. Значит, можем меняться, можем договариваться.

Так что все катастрофы, о которых рассказали предыдущие ораторы, действительно есть, но именно наличие этих катастроф свидетельствует о том, что наступает очередной российский момент истины. А суть этого момента в том, что в этой стране что-то начинает просыпаться тогда, когда хуже некуда. Мне кажется, что наступила пора: гиря дошла до пола, мы опустились на дно. Дальше вопрос: либо постучат снизу и тогда мы просто окажемся в соседней камере, либо нам надо будет, что называется, потихоньку выкарабкиваться с этого дна, а сделать это в одиночку практически невозможно. Значит, люди начнут потихоньку объединяться на ниве некоей профессиональной общности с себе подобными. Значит, единственный разумный рецепт: с одной стороны, быть личностью, а с другой стороны, искать себе подобных. Вот и все.